

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTIC MEASURES OF CRIME COUNTERACTION

Научная статья

УДК 343.98

EDN GZFFHJ

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(4).379-389

О ПОНЯТИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Е.И. Галяшина

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

29 июля 2024 г.

Дата принятия в печать

27 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения

15 октября 2024 г.

Ключевые слова

Криминалистика; цифровая трансформация; цифровые данные; цифровизация; криминалистические технологии

Аннотация. Рассматривая цифровую трансформацию применительно к теории и практике криминалистической науки, специалисты выделяют ее различные направления, исходя из общего понимания данного процесса в масштабе индустриального развития страны. Автор отмечает, что в этом контексте под цифровой трансформацией обычно понимается процесс повсеместного мультимодального внедрения цифровых технологий в целях получения существенного социально-экономического эффекта. В статье же обращается внимание на объем и содержание самого понятия «цифровая трансформация» в терминологическом аппарате языка криминалистики. Констатируется, что заимствованное из сферы цифровой экономики и привнесенное в научный криминалистический дискурс данное словосочетание используется скорее метафорически, чем терминологически, не имея однозначной связи с конкретным денотатом. Криминалистами акцент делается на том, что современная преступность смещается в киберпространство, активно используя передовые информационно-телекоммуникационные технологии, опережающими темпами приспосабливаясь к цифровой трансформации всех сфер производственного и общественного бытия. Использование в преступной деятельности высоких технологий вносит коррективы в традиционную трактовку таких криминалистических категорий, как время, место, способ, орудия, средства совершения преступления, влияя на средства и методы противодействия преступности. Тем не менее это не затрагивает фундаментальные законы, образующие предмет познания криминалистики как науки. В статье указывается, что цифровая трансформация в криминалистической практике должна рассматриваться технологически — в аспекте информационного и компьютерно-технического обеспечения криминалистической техники, тактики и методики, организации рабочих процессов раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. В заключение делается вывод о том, что цифровая трансформация, направленная на глобальную цифровизацию криминалистических технологий, не затрагивает аксиоматические постулаты общей теории (методологии) криминалистической науки, гносеологический базис которой не зависит от цифровой или аналоговой формы носителя криминалистически значимой информации, а обусловлен процессом ретроспективного познания преступления субъектом расследования.

Original article

ON THE CONCEPT OF DIGITAL TRANSFORMATION IN CRIMINALISTICS

Elena I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2024 July 29

Accepted

2024 September 27

Abstract. When analyzing digital transformation in view of the theory and practice of criminalistics, experts single out various trends based on the general understanding of this process against the background of the country's industrial development. The author states that, within this context, digital transformation is usually understood as a process of widespread multimodal introduction of digital technologies with the goal of gaining a considerable socio-economic effect. The author also pays attention to the

Available online
2024 October 15

Keywords

Criminalistics; digital transformation;
digital data; digitalization; forensic
technologies

volume and content of the very concept of «digital transformation» in the terminological apparatus of the language of criminalistics. It is stated that this phrase, borrowed from the sphere of digital economy into scientific criminalistic discourse, is used rather more metaphorically than terminologically, and does not have an unambiguous link to a specific denotatum. Criminalists stress that modern crime is migrating to cyberspace, actively using cutting-edge information-telecommunication technologies and proactively adapting to the digital transformations in all spheres of economic and social life. The use of hi tech in criminal activities modifies the traditional interpretations of such criminalistic categories as time, place, technique, means, tools of committing crimes, and influences the means and methods of crime counteraction. Nevertheless, it has no impact on the fundamental laws constituting the object of cognition in criminalistics as a science. The paper states that digital transformation in the practice of criminalistics should be viewed in a technological way — from the standpoint of information and computer-technical support of criminalistic technique, tactics and methodology, the organization of work processes of solving, investigating and preventing crimes. It is concluded that digital transformation, aimed at the global digitization of forensic technologies, does not touch upon the axiological tenets of the general theory (methodology) of criminalistic science whose gnoseological basis does not depend on the digital or analogue form of the carrier of forensically relevant information, but is conditioned by the process of retrospective cognition of the crime by the subject of investigation.

Рассматривая понятие цифровой трансформации применительно к криминалистике, мы должны прежде осмыслить современные реалии промышленной индустриализации и ожидающие нас перспективы новой очередной, пятой по счету, промышленной революции.

Одним из важных признаков технологий ныне развивающейся Индустрии 4.0 является интеграция производственных систем с информационными и коммуникационными технологиями для автоматизации всех производственных и общественных процессов. Изменяется не только производство, управление, накопление, хранение, обмен данными, но и весь уклад жизни, система ценностей. Сервисы получения, хранения и обмена информацией получают приоритет над всеми другими видами человеческой деятельности. Индустрия 4.0 улучшила процесс принятия стратегических решений благодаря способности анализировать цифровые данные в режиме реального времени на серверах и в облачных хранилищах или специализированных дата-центрах, в том числе благодаря появлению новых технологий, таких как аддитивное производство, искусственный интеллект, генеративные нейронные сети, дополненная и виртуальная реальность, блокчейн, промышленный Интернет вещей (IIoT) и т.п. [1].

Следующая Индустрия 5.0 мыслится как глобальная цифровая трансформация и объединение человеческого интеллекта с точностью и эффективностью роботов, использующих искусственный интеллект в промышленном производстве. Это требует совместимости сетевых

датчиков «умных производств» с сенсорными системами человека, внедрения коллаборативных роботов и других интеллектуальных систем, имплантируемых в тело человека, развития облачных вычислений и распределенных цифровых данных, внедрения 5G, человеко-машинного интерфейса, инфокоммуникаций, нейротехнологий, слияния искусственного интеллекта с Интернетом вещей (AIoT) и т.д.

Создается впечатление, что грань между реальными и виртуальными процессами нивелируется, так как любая деятельность человека становится частью информационно-технологических процессов, оперирующих цифровыми данными¹. Цифровые данные в киберпространстве, понимаемые как материальные объекты, отражают содержание, смыслы процессов деятельности, протекающих в реальном мире, и представляются систематизированными наборами цифровых кодов, сформированных как в результате непосредственной человеческой деятельности, так и вследствие функционирования технологий. Последние — это результаты измерений параметров физической и социальной сред, которые производятся без участия человека. К ним относятся массивы цифровых кодов, полученных от большого числа распределенных в пространстве технологических источников за продолжительный интервал вре-

¹ Artificial Intelligence and Robotics: Inevitable and Full of Opportunities // EESC. 2018. March 16. URL: https://www.researchgate.net/publication/318858866_Artificial_Intelligence_and_Robotics (дата обращения: 18.05.2024).

мени, созданных для комплексного анализа показателей приборов в онлайн-режиме. Достоверность цифровых данных и возможность их искажения при передаче по каналам связи определяется качеством работы всей цепочки устройств, составляющих информационно-коммуникационные технологии. Уязвимость таких данных во многом зависит как от надежности технологических процессов, их защищенности от внешних атак, так и от человеческого фактора, так как разработчики и эксплуатанты технологий способны внести намеренные ошибки в исходные цифровые коды или ввести в компьютерные системы заведомо недостоверные данные, что может привести к существенному искажению истинного положения вещей.

Цифровые данные независимо от того, являются их источником человеческая деятельность или функционирование технологий, характеризуют материальные процессы, материальную деятельность. Для того чтобы цифровые данные после машинной обработки были доступны для восприятия человеком, они должны быть структурированы при помощи метаданных («данных о цифровых данных») и представлены в виде текстов, таблиц, формул, нот, чисел, пиктограмм, графических и иных символов, звуков, пригодных для восприятия людьми.

Интеграция технологий цифровой телекоммуникации и цифровых технологий обработки данных изменила не только производственные процессы и их управление, но и общественные отношения при реализации процессов производства, распределения, обмена и потребления [2]. Конвергенция услуг хранения, распространения, обработки данных позволила сформировать цифровую интегрированную информационно-коммуникационную среду, обеспечивающую развитие информационной инфраструктуры как отдельной страны, так и мирового информационного общества [3]. Со стороны пользователя инфокоммуникационная и материальная инфраструктура становится «розеткой доступа», через которую можно как получить любую информационную услугу, так и заказать сохранение, изготовление и доставку нужного материального изделия [4, с. 119].

Достижения в области IT-сферы активно используются в преступной деятельности, что вносит коррективы в традиционное понимание таких криминологических категорий, как время, место, способ, орудия, средства совершения преступления, влияя и на средства, и на методы

противодействия преступлениям в киберпространстве. Информационное пространство выступает в качестве среды совершения преступлений (информационный терроризм и экстремизм, кибермошенничество, киберсталкинг, создание и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера, в том числе их изготовление с участием несовершеннолетних, фишинг, несанкционированный доступ к конфиденциальным данным, паролям, логинам и т.д.) [5]. Благодаря возможностям глобальной сети преступники легко объединяются в сообщества и организованные группы, вербуют сторонников, осуществляют поиск жертв преступных посягательств, подготовку для совершения новых видов преступлений и сокрытия их следов. С появлением искусственного интеллекта, нейронных сетей, глубокого машинного обучения, нейросетевых языковых моделей и подобных компьютерных технологий возникли новые возможности для изготовления и распространения в киберпространстве дипфейковых аудио и видео искусственных образований, не являющихся отражением действительности, но при восприятии неотличимых от реальных изображений и звуков [6].

Не затрагивая иные области человеческой деятельности, отметим, что в современном мире наука в целом (и криминалистика в частности) как форма человеческого познания — неотъемлемая часть развития мирового социума. Хотя криминалистическая наука, как любая наука юридического спектра, в определенной мере может быть охарактеризована как консервативная, ее междисциплинарный характер и прикладная роль, заключающаяся в приспособлении для получения криминалистически значимой информации, достижений иных гуманитарных и естественных наук, обуславливает ее постоянное развитие и совершенствование, которое во многом связано с научно-техническим прогрессом и глобальной цифровизацией.

Говоря о криминологии в аспекте глобальной цифровизации и всеобъемлющей цифровой трансформации общества в целом и процесса расследования преступлений в частности [7], нельзя не обратить внимание на развитие и расширение понятийного аппарата языка криминологии, в который активно внедряются обозначения новых познанных криминологических явлений и законов в природе и поведении людей. При этом многие понятия используются не терминологически, а метафорически или в

расширительном понимании. Понятие «цифровая трансформация» в языке криминалистики также неоднозначно и зачастую употребляется метафорически. При этом существует несколько подходов к его пониманию.

С одной стороны, это понятие обозначает одну из национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г., установленных указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Под цифровой трансформацией в этом аспекте понимается широкое мультимодальное внедрение цифровых технологий, приводящее к значительным социально-экономическим эффектам. Цифровая трансформация представляет собой следующую стадию развития после оцифровки, подразумевающей перевод аналоговых данных и процессов в машиночитаемый (цифровой) вид, и цифровизации, означающей использование цифровых технологий для повышения эффективности отдельных направлений [8, с. 9].

Можно с уверенностью сказать, что цифровая трансформация — это процесс постепенных изменений, который начинается с внедрения цифровых технологий, а затем перерастает в целостную модификацию всей сферы деятельности, включая машинное обучение, виртуальную и дополненную реальность, перенос данных в облачные хранилища, использование информационно-технологических устройств и инструментов для связи и сотрудничества, а также автоматизацию и роботизацию промышленных процессов, предполагая полную замену устаревших способов производства и управления современными возможностями компьютерных технологий.

Цифровизация же известна как способность превращать существующие продукты или услуги в цифровые варианты; предполагает использование языка программирования для перевода команд человека на тот язык, который понимает компьютер; для цифровой записи информации. Согласно действующему межгосударственному стандарту «Запись и воспроизведение информации. Термины и определения» (ГОСТ 13699-91), цифровая запись — это запись, при которой сигнал информации преобразуется в канале записи в цифровую форму или перекодируется из одной цифровой формы в другую [9]. Любой сигнал — это физический процесс, отображающий некоторую информацию. Под информаци-

ей понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления².

Следовательно, применительно к криминалистической практике под цифровой трансформацией можно понимать перевод любой информации в машиночитаемую (цифровую) форму и широкое использование компьютерных (цифровых) технологий (программно-технических и технологических средств, обеспечивающих сбор, накопление, обработку, хранение, представление и передачу информации) для повышения эффективности практической деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений. Сомнений такой подход к пониманию термина «цифровая трансформация» применительно к криминалистической практике не вызывает.

Однако важно разобраться, как влияет такое понимание термина «цифровое преобразование» на теорию (методологию) криминалистики как науки, объектом изучения которой выступает не только сама преступная деятельность, но и деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений во всем многообразии составляющих их процессов, отношений, свойств и признаков.

Очевидно, что цифровая трансформация расширяет возможности активных субъектов правоотношений во всех сферах жизни современного общества, однако на практике внедрение информационных технологий в народное хозяйство нередко вызывает серьезные социальные проблемы. С одной стороны, в процессе цифровизации появляется множество новых возможностей для творчества, организации общения, моделирования виртуальной реальности и реализации амбициозных технических проектов. С другой стороны, в результате цифровой трансформации возникают и новые аспекты в деятельности преступных сообществ.

Очевидно, что понятие цифровой трансформации в полной мере применимо к современной преступной деятельности. Характер влияния цифровой трансформации на динамику преступности определяется расширяющейся сферой применения компьютерных технологий, благодаря которым появляются социальные сети, виртуальные среды и мультимедийные информационные ресурсы [10]. С расширением

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : (ред. от 12 дек. 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

возможностей цифровых технологий преступный мир меняется, интегрируя все больше высоких технологий. Потерпевших и соучастников преступлений бывает сложно различить, притом что криминологи прогнозируют рост преступности в интернет-пространстве [11]. Преступные сообщества используют информационно-коммуникативные технологии для вербовки новых членов в свои ряды и мотивации отдельных членов общества к действиям, способствующим достижению преступных целей. Значительная часть доходов от мошенничества в сфере компьютерной информации по разным причинам чисто криминального свойства может направляться на финансирование экстремистской деятельности. Развивается организованная преступность, процветают криминальные сетевые ресурсы, такие как: информационные системы для поиска исполнителей криминальных услуг и их оплаты; ресурсы по предоставлению доступа к закрытой и контрафактной информации; сайты по продаже поддельных и некачественных товаров; онлайн-казино и различные мошеннические политические проекты, злоупотребляющие доверием граждан [12, с. 49].

Учитывая тренд к криминализации киберпространства, очевидно, что в содержание понятия «цифровая трансформация» должен входить вектор технологического развития криминологической техники, тактики и методики расследования преступлений, связанных с машиночитаемыми и информационными технологиями, формирующими дополненную или виртуальную реальность, обуславливающий эффективное применение новых компьютерных решений в криминологической практике. В объем исследуемого понятия таким образом включается и перевод в цифровую форму криминологически значимых объектов материального мира (следов преступления), которые могут стать доказательствами по уголовному делу.

Д.А. Степаненко очень верно подметила, что «на сегодняшний день проблемы формирования терминологического аппарата криминологии, определения тенденций конструирования понятий и их определений, соотношения естественного и искусственного языков (например, языка программирования) в контексте цифровизации научной и практической деятельности, соотношения категориальных аппаратов философии (как универсальных понятий и категорий) и языка науки требуют пристального внимания, ведь основными задачами языка науки всегда были и

остаются формирование, трансляция и развитие научного знания» [13, с. 225].

Т.С. Волчецкая, говоря о цифровизации всей криминологии, обратила внимание на мышление следователя как основного потребителя и носителя криминологического знания, и отметила, что «применение цифровых технологий как в криминальной, так и в криминологической деятельности обуславливает значительные изменения в системе всей криминологической науки, затрагивая практически все ее основные разделы: криминологическую методологию, технику, тактику и методику расследования отдельных видов преступлений. Так, в рамках криминологической методологии можно решать задачи осмысления, описания и ввода в научный оборот новых понятий, криминологических категорий, связанных с использованием цифровых технологий. Также назрела необходимость исследования особенностей формирования и функционирования криминологического мышления, учитывающего все новые технологии, применяемые в современном обществе, в связи с чем особое значение в его структуре приобретают опосредованные методы познания. Мышление современного следователя должно соответствовать духу времени» [14, с. 151–152].

Развивая мысль о тесной связи мышления следователя и языка криминологии, нужно отметить, что их механизмы, тем не менее, различны. Ю.С. Маслов подчеркивал: «Так же, как и общение, мышление может быть вербальным и невербальным. *Невербальное* мышление осуществляется с помощью наглядно-чувственных образов, возникающих в результате восприятия впечатлений действительности и затем сохраняемых памятью и воссоздаваемых воображением... *Вербальное* мышление оперирует понятиями, закрепленными в словах, суждениями, умозаключениями, анализирует и обобщает, строит гипотезы и теории... Учет всех этих факторов говорит о том, что мышление человека многокомпонентно, что оно есть сложная совокупность различных типов мыслительной деятельности, постоянно сменяющихся и дополняющих друг друга и нередко выступающих в синтезе, во взаимопереплетении. Вербальное, речевое мышление является, таким образом, лишь одним из компонентов человеческого мышления, хотя и важнейшим» [15, с. 14–15].

Очевидно, что мышление следователя отражает окружающую действительность непосредственно во всем богатстве и многообразии раз-

личных свойств и связей предметов, явлений, процессов. В то же время язык криминалистики способствует постоянному совершенствованию мышления, что позволяет последнему подниматься на все более высокий уровень развития.

Внедряемые в язык криминалистики понятия для обозначения новых явлений материального мира или виртуальной (дополненной) реальности, выступающие следствием достижений научно-технического прогресса, должны отвечать методологическим учениям о языке и о криминалистической систематике, а потому не могут противоречить пониманию предмета криминалистики, изучающей «лишь те закономерности в природе и поведении людей, которые находятся в объективной, закономерной связи с явлениями преступлений», и «лишь в той мере, в какой они в свою очередь позволяют определять закономерности действий по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений» [16, с. 14].

В криминалистике понимание процесса цифровой трансформации объектов, явлений, процессов тесно связано с пониманием сущности познания предмета криминалистики как науки. Криминалистика изучает «законы развития природных явлений и человеческого поведения, объективно, закономерно связанных с преступлением, с целью определения закономерностей, которым должна подчиняться деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений» [16, с. 15]. В центре этого познавательного процесса — следователь, человек, способности которого к восприятию информации из внешнего мира определяют успех и эффективность расследования преступления. Для понимания объема и содержания понятия «цифровая трансформация» в языке криминалистики важно рассмотреть его применимость к познавательной деятельности следователя (дознателя) как основного субъекта, осуществляющего расследование по уголовному делу.

Анализ проникновения цифровизации в преступную деятельность позволил Т.С. Волчецкой выделить несколько типовых криминальных ситуаций: 1) ситуации, «в которых цифровая среда используется преступниками в системе технологии совершения преступлений, в качестве средства, орудия, в ряде случаев — места совершения преступления»; 2) ситуации, «в которых преступная деятельность оказывает воздействие на информацию, представленную

на электронных носителях или в информационно-телекоммуникационных системах»; 3) ситуации, связанные «с преступным воздействием на функционирование информационных систем и их отдельных компонентов»; 4) ситуации, в которых «цифровые технологии могут применяться отдельными лицами для фальсификации доказательственной информации» [14, с. 149].

Процесс расследования преступлений представляет собой ретроспективное познание «картины» преступления, происходящее в опосредованном виде. Следователь (дознатель) устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность или невиновность лица, совершившего его, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, добывая доказательства из указанных в процессуальном законе источников с помощью средств, приемов и методов криминалистики. Очевидно, что научно-технический прогресс не может не оказывать на этот процесс соответствующего влияния, порождая цифровую форму возникновения криминалистически значимой информации, формируемой посредством цифровой трансформации объектов материального мира (аналого-цифрового преобразования), предлагая современные цифровые технологии для ее трансляции, хранения и собирания в виртуальном (цифровом) пространстве. Но может ли следователь познавать оцифрованную информацию и оценивать ее как доказательство?

Известно, что исследование следов и фактических данных, собранных с помощью научно-технических средств, приемов и методов криминалистики, осуществляется следователем посредством их целенаправленного изучения с использованием собственного восприятия, вооруженного современными научно-техническими средствами и методами. Собранные следы и фактические данные приобретают статус доказательств не иначе как в порядке, установленном процессуальным законом. Для этого следователь должен не только произвести осмотр места происшествия, предметов и документов при помощи своих органов чувств (желательно, вооруженных современными научно-техническими средствами), но и запечатлеть ход и результаты всех следственных действий в вербальной форме (протоколе). С помощью зрения, слуха, обоняния, осязания и др. следователь воспринимает и изучает (исследует) следы преступления, в том числе идеальные, воз-

ники в сознании других людей (свидетелей, потерпевших и т.д.), и изменения материальной обстановки, которые возникли в результате события преступления. Очевидно, что с помощью современных приборов и компьютерных устройств следователь может воспринимать больше криминалистически значимой информации, а с помощью вычислительной техники легче и эффективнее ее обрабатывать.

Однако восприятие — это целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на органы чувств. В зависимости от анализаторов различают такие виды восприятия, как зрение, осязание, слух, кинестезия, обоняние, вкус. Восприятие тесно связано с преобразованием информации, поступающей непосредственно из внешней среды, и при этом формируются образы (слуховые, зрительные, тактильные и др.), с которыми в дальнейшем оперируют внимание, память, мышление и эмоции. Можно сказать, что образ представляет собой субъективную форму объекта, он — порождение внутреннего мира человека. Условиями формирования адекватного образа являются: активное движение, поддержание определенного минимума информации, поступающей в мозг из внешней и внутренней среды, и сохранение привычной структурированности этой информации [17, с. 18].

Центральным понятием при изучении ретроспективного восприятия следователем «картины» преступления является понятие психического образа (образа воспринимаемого), понимаемого как субъективное отражение предметов и явлений объективной действительности, обеспечивающее регуляцию поведения и деятельности человека во внешней среде [18]. Структура образа определяется тесной взаимосвязью трех уровней отражения: сенсорно-перцептивного, представленческого и понятийного или вербально-логического мышления. Восприятие обладает полимодальностью, которая формируется в результате предметных практических действий человека с объектами внешнего мира [19].

Для того чтобы у следователя сформировался образ, обеспечивающий ему возможность адекватного познания «картины» преступления, ему необходимы не только чувственные данные, но и способность раскрыть их криминалистическое значение, выявить существенное, общее, закономерное в этих чувственных данных. Систе-

мообразующим фактором, благодаря которому различные механизмы отражения объединяются в целостную функционально-динамическую систему, выступают процессы формирования вербализованного образа восприятия [20].

Следователь как основной субъект процесса расследования преступления — это человек, сознание, органы чувств которого не обладают способностью к восприятию, а мозг — к переработке, осмыслению и пониманию информации в машиночитаемой (цифровой) форме. Это означает, что представленной в цифровой (бинарной) форме информации, чтобы быть воспринятой человеком, а не компьютером, требуется обратное преобразование в аналоговую форму — звуковую волну для слуховой перцепции или световую волну для зрительного восприятия изображения.

Попробуем пояснить на примере звуковых следов, изначально получаемых и сохраняемых в аудиофайле. Для того чтобы прослушать информацию, хранящуюся в файловом контейнере в цифровом виде, цифровой звук надо пропустить через цифро-аналоговый преобразователь и подать на динамики акустической системы или диффузоры наушников. Они сформируют аналоговую звуковую волну, которую «услышит» слуховая система человека, а мозг человек сможет распознать слуховые образы.

Точно также и зрительная система человека может воспринимать только аналоговый световой сигнал, а головной мозг человека — распознавать зрительные образы посредством восприятия графического изображения на экране монитора или дисплея компьютерного устройства.

Вряд ли кто-то будет спорить, что предметом криминалистики выступают явления и закономерности объективной реальности, и что криминалистика изучает лишь те закономерности в природе и поведении людей, которые находятся в объективной, закономерной связи с явлениями преступлений. Это закономерности развития природных явлений и изменений объектов материального мира (природных явлений), объективно и закономерно связанных с преступлением, и закономерности человеческого поведения, имеющие криминалистическое значение. Методология криминалистической науки с позиций эпистемологии может рассматриваться как знание, позволяющее криминалистам с использованием достижений научно-технического прогресса, ретроспективно постигать

сущность преступного деяния, предлагать наиболее эффективные приемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

К изучаемым криминалистикой относятся и закономерности использования познанных явлений и законов в природе и поведении людей с целью раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Очевидно, что предмет изучения криминалистики на данном этапе, в самом общем виде обозначенный А.И. Бастрыкиным как «законы развития природных явлений и человеческого поведения, объективно, закономерно связанных с преступлением, с целью определения закономерностей, которым должна подчиняться деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений» [16, с. 13–15], вряд ли будет подвержен трансформации, несмотря на всеобщую цифровизацию технологических процессов. Этому видится довольно простое объяснение: преступление совершает человек и человек же его расследует.

Следует признать, что цифровая трансформация в криминалистической практике должна рассматриваться технологически — в аспекте компьютерно-технического обеспечения криминалистической техники, приемов собирания следов преступления и иной криминалистически значимой информации на месте происшествия в киберпространстве [21], тактики и методики, организации рабочих процессов расследования преступлений.

Понятие цифровой трансформации, включающее глобальную цифровизацию технологических процессов, в языке криминалистики может употребляться метафорически, но это не затрагивает аксиоматические постулаты общей теории криминалистической науки, гносеологический базис которой не зависит от цифровой или аналоговой формы носителя криминалистически значимой информации, а обусловлен процессом ретроспективного познания преступления человеком как субъектом расследования.

Пока преступления совершаются человеком, пусть даже с применением самых инновационных технологий, и расследуются человеком, также с использованием не менее инновационных технологий, цифровая трансформация криминалистики не может абсолютизироваться с целью заместить следователя-криминалиста компьютером в любом его обличии (робота, киборга или ИИ) или сделать из следователя простого оператора, который будет

сидеть в своем кабинете и, не вставая со своего кресла, при помощи дрона будет осматривать место происшествия, при помощи разнообразных роботов (даже человек-специалист будет не нужен) или виртуальных манипуляторов собирать следы преступления, сразу их оцифровывая, с помощью генеративной нейронной сети или большой языковой модели составлять протоколы следственных действий, выносить постановления о назначении судебных экспертиз, при помощи виртуального помощника типа чат-бота по видео-конференц-связи допрашивать свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, экспертов или специалистов, с помощью ИИ составлять обвинительное заключение, подписывая его простой электронной подписью, направлять все уголовное дело в электронном виде прокурору. Нужна ли криминалистике такая цифровая трансформация? Будет ли она отвечать целям криминалистики? Сомнительно.

Цифровая трансформация криминалистики, по нашему мнению, может рассматриваться как процесс инновационного развития криминалистики посредством широкого внедрения информационных технологий³ в практическую деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, не затрагивая систему ее фундаментальных мировоззренческих принципов, теоретических концепций, составляющих научное отражение предмета данной науки.

Р.С. Белкин на рубеже веков, говоря о последствиях влияния на криминалистику научно-технического прогресса, так предостерегал от криминалистических «фантомов», наносящих явный ущерб и науке, и практике борьбы с преступностью: «в криминалистической науке к настоящему времени накопилось значительное число умозрительных конструкций и «открытий», которые не имеют ни теоретических, ни практических обоснований. Их авторы, одержимые либо беспочвенными иллюзиями, либо амбициями, настойчиво пропагандируют свои идеи и, что особенно тревожно, находят сочувственный отклик у недостаточно компетентных или простодушных читателей и участников конференций, загипнотизированных подчас громкими именами «первооткрывателей» [22, с. 7–8]. Очевидно, что сегодня несколько не утратила свою ценность и мысль Р.С. Белкина о

³ В терминах Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.

том, что для криминалистики ее общая теория играет роль отражения ее научного предмета, как система ее мировоззренческих принципов, теоретических концепций и категорий, связей, и что для криминалистики приоритетное значение имеет связь с такой концептуальной категорией философии, как отражение. «Именно отражение образует самый фундамент криминалистики, сущность этой науки» [22, с. 30–32] как «практической криминалистики», так и криминалистической теории. «Это и есть тот третий «кит» (помимо понятий следа и образа. — Е. Г.), на котором зиждется все здание криминалистической науки — от определения ее предмета до практических приложений» [там же, с. 67].

Можно согласиться с мнением В.А. Мещерякова, что «информация, зафиксированная на каком-либо компьютерном носителе в форме числовых значений, безусловно, материальна, поскольку размещена на материальном носителе и без него существовать не может, однако без знания того, к каким объектам и явлениям она относится, какой искусственной средой электронно-цифрового отображения и в результате каких зависимостей (благодаря использованию какой формализованной модели) она порождена, мы ничего не можем сказать о ее связи с событием преступления» [23, с. 107].

В этой связи нужно признать, что именно категория отражения выступает критерием, который позволяет различать криминалистический и технический (или технологический) подход к понятию цифровой трансформации в криминалистике.

Очевидно, что в системах компьютерной техники и цифровых систем связи (среде электронно-цифрового отображения) принципиальное значение имеет то, что в качестве средства отражения, т.е. переноса криминалистически

значимой информации от отражаемого объекта природного происхождения к отражающему объекту — материальному носителю информации в цифровой форме, выступает компьютерная система (в широком смысле слова) с аналого-цифровым преобразователем на входе и цифро-аналоговым преобразователем на выходе, использующая разнообразные формализованные (математические) модели для описания свойств оцифрованных сигналов. При этом краеугольным свойством этого процесса остается принципиальная возможность установления причинно-следственной связи между следовоспринимающим и следообразующим объектами, возникающая вследствие их взаимодействия в соотношении с событием преступления. При этом следовоспринимающий объект должен нести информацию о механизме следообразования, т.е. о действиях с отражаемым в системе обработки информации объектом, исходя из вида формализованной модели, режимами и условиями ее использования.

Таким образом, можно констатировать, что обозначенные Р.С. Белкиным «три кита» криминалистики в условиях глобальной цифровизации не утрачивают своей значимости и ценности для криминалистической науки, и с методологической точки зрения не затрагивают базовые законы, образующие ее предмет познания. Сказанное позволяет сделать вывод, что цифровая трансформация в языке криминалистики употребляется скорее метафорически, чем терминологически, акцентируя внимание криминалистов на необходимость углубленного изучения информационно-телекоммуникационных технологий и реализующих их компьютерных систем для собирания в киберпространстве криминалистически значимой информации при расследовании уголовных дел.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kitchin R. The Data revolution: big data. Open data, data infrastructures and their consequences / R. Kitchin. — London : Sage, 2014. — 240 p.
2. Galyashina E.I. Challenges of Verifying the Video Call Authenticity in Remote Investment Negotiations / E.I. Galyashina, N.V. Kruchinina, N.A. Solovyeva // Intelligent Systems Reference Library. — 2024. — Vol. 250. — P. 281–289.
3. Верзун Н.А. Технологическая платформа четвертой промышленной революции / Н.А. Верзун, М.О. Колбанев, Т.М. Татарникова. — EDN XWLDKF // Геополитика и безопасность. — 2016. — № 2 (34). — С. 73–77.
4. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность / ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупов. — Санкт-Петербург : Петрополис, 2017. — 300 с. — EDN TGFHSZ.
5. Galyashina E.I. Legal Expertise as a Tool of Countering Violent Extremism in the Web 2.0 / E.I. Galyashina, K.M. Bogatyrev // Kutafin Law Review. — 2024. — Vol. 11, no. 1. — P. 142–158.
6. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа : науч.-практ. пособие / Е.И. Галяшина, В.Д. Никишин, К.М. Богатырев, Е.Г. Пфейфер. — Москва : Блок-Принт, 2024. — 144 с.
7. Смушкин А.Б. Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность / А.Б. Смушкин. — DOI 10.21638/spbu14.2023.106. — EDN FVUORK // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2023. — Т. 14, № 1. — С. 90–107.

8. Цифровая трансформация: ожидания и реальность : докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский [и др.] ; ред. Т.С. Зинина, П.Б. Рудник. — Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2022. — 221 с.
9. Галяшина Е.И. Диагностика аутентичности цифровых фонограмм в фоноскопической экспертизе: возможности и пределы исследования / Е.И. Галяшина. — EDN XSNOFF // Вестник экономической безопасности. — 2018. — № 1. — С. 34–41.
10. Organizations and Cyber Crime: An Analysis of the Nature of Groups Engaged in Cyber Crime / R.G. Broadhurst, P. Grabosky, M. Alazab, S. Chon // *International Journal of Cyber Criminology*. — 2014. — Vol. 8, iss. 1. — P. 1–20.
11. Номоконов В.А. Киберпреступность: прогнозы и проблемы борьбы / В.А. Номоконов, Т.Л. Тропина. — EDN RDFWEX // Библиотека криминалиста. — 2013. — № 5 (10). — С. 148–160.
12. Кириленко В.П. Киберпреступность и цифровая трансформация / В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев. — DOI 10.22394/2686-7834-2021-1-39-53. — EDN UDZCMU // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2021. — № 1. — С. 39–53.
13. Степаненко Д.А. К вопросу о языке науки криминалистики / Д.А. Степаненко. — DOI 10.24411/2312-3184-2020-10071. — EDN MXIXMK // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 3 (84). — С. 223–231.
14. Волчецкая Т.С. Влияние цифровых технологий на современное развитие криминалистической науки / Т.С. Волчецкая. — EDN RCEYQW // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании : сб. материалов междунар. науч.-практ. форума, Калининград, 27–31 авг. 2020 г. — Калининград, 2021. — С. 148–155.
15. Маслов Ю.С. Введение в языкознание : учебник / Ю.С. Маслов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Высш. шк., 1987. — 272 с.
16. Бастрыкин А.И. Криминалистика : учебник : в 2 т. / А.И. Бастрыкин. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Наука, 2023. — Т. 1. — 528 с.
17. Прокопенко В.Т. Психология зрительного восприятия : учеб. пособие / В.Т. Прокопенко, В.А. Трофимов, Л.П. Шарок. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУИТМО, 2006. — 73 с.
18. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 272 с.
19. Ломов Б.Ф. Вербальное кодирование в познавательных процессах / Б.Ф. Ломов, А.В. Беяева, В.Н. Носуленко. — Москва : Наука, 1986. — 130 с.
20. Циркин В.И. Нейрофизиология: основы нейрофизиологии : учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юрайт, 2024. — 504 с.
21. Slade R.M. Software Forensics. Collecting Evidence from the Scene of a Digital Crime / R.M. Slade. — New York : McGraw-Hill, 2004. — 215 p.
22. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р.С. Белкин. — Москва : НОРМА-ИНФРА-М, 2001. — 240 с.
23. Мещеряков В.А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике / В.А. Мещеряков. — Москва : Проспект, 2022. — 176 с.

REFERENCES

1. Kitchin R. *The Data Revolution: Big Data. Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences*. London, Sage, 2014. 240 p.
2. Galyashina E.I., Kruchinina N.V., Solovyeva N.A. Challenges of Verifying the Video Call Authenticity in Remote Investment Negotiations. *Intelligent Systems Reference Library*, 2024, vol. 250, pp. 281–289.
3. Verzun N.A., Kolbanev M.O., Tatarnikova T.M. The Technological Platform of the Fourth Industrial Revolution. *Geopolitika i bezopasnost' = Geopolitics and Security*, 2016, no. 2, pp. 73–77. (In Russian). EDN: XWLDKF.
4. Kefeli I.F., Yusupov R.M. (eds). *Information-Psychological and Cognitive Security*. Saint Petersburg, Petropolis Publ., 2017. 300 p. EDN: TGFHSZ.
5. Galyashina E.I., Bogatyrev K.M. Legal Expertise as a Tool of Countering Violent Extremism in the Web 2.0. *Kutafin Law Review*, 2024, vol. 11, no. 1, pp. 142–158.
6. Galyashina E.I., Nikishin V.D., Bogatyrev K.M., Pfeifer E.G. *Fakes-creation as a Means in the Information War Waged in Online Media*. Moscow, Blok-Print Publ., 2024. 144 p.
7. Smushkin A.B. Digital Transformation of the Investigation Process as an Objective Reality. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*, 2013, vol. 14, no. 1, pp. 90–107. (In Russian). EDN: FVUORK. DOI: 10.21638/spbu14.2023.106.
8. Abdrakhmanova G.I., Vasilkovskii S.A., Vishnevskii K.O. [et al.]; Zinina T.S., Rudnik P.B. (eds). *Digital Transformation: Expectations and Reality*. Moscow, HSE Publishing House, 2022. 221 p.
9. Galyashina E.I. Diagnostics of the Authenticity of Digital Copies of Phonograms in Phonoscopic Examination: Possibilities and Limits of Research. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2018, no. 1, pp. 34–41. (In Russian). EDN: XSNOFF.
10. Broadhurst R.G., Grabosky P., Alazab M., Chon S. Organizations and Cyber Crime: An Analysis of the Nature of Groups Engaged in Cyber Crime. *International Journal of Cyber Criminology*, 2014, vol. 8, iss. 1, pp. 1–20.
11. Nomokonov V.A., Tropina T.L. Cybercrime: Forecasts and Problems of Fighting. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2013, no. 5, pp. 148–160. (In Russian). EDN: RDFWEX.
12. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. Cybercrime and Digital Transformation. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya = Theoretical and Applied Law*, 2021, no. 1, pp. 39–53. (In Russian). EDN: UDZCMU. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-39-53.

13. Stepanenko D.A. On the Issue of the Language of the Science of Criminalistics. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2020, no. 3, pp. 223–231. (In Russian). EDN: MXIXMK. DOI: 10.24411/2312-3184-2020-10071.

14. Volchetskaya T.S. The Impact of Digital Technologies on Contemporary Development of the Science of Criminalistics. *Modern Technologies and Approaches in Legal Science and Education. Materials of International Scientific and Practical Forum. Kaliningrad, October 27–31, 2020*. Kaliningrad, 2021, pp. 148–155. (In Russian). EDN: RCEYQW.

15. Maslov Yu.S. *Introduction to Linguistics*. 2nd ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 277 p.

16. Bastrykin A.I. *Criminology*. 3rd ed. Moscow, Nauka Publ., 2023. Vol. 1. 528 p.

17. Prokopenko V.T., Trofimov V.A., Sharok L.P. *The Psychology of Visual Perception*. Saint Petersburg, 2006. 73 p.

18. Anan'ev B.G. *On the Problems of the Modern Human Studies*. 2nd ed. Saint Petersburg, Piter Publ., 2001. 272 p.

19. Lomov B.F., Belyaeva A.V., Nosulenko V.N. *Verbal Coding in Cognitive Processes*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 130 p.

20. Tsirkin V.I. *Neural Physiology: Basics of Neural Physiology*. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2024. 504 p.

21. Slade R.M. *Software Forensics. Collecting Evidence from the Scene of a Digital Crime*. New York, McGraw-Hill. 2004. 215 p.

22. Belkin R.S. *Criminalistics: Problems of Today*. Moscow, NORMA-INFRA-M Publ., 2001. 240 p.

23. Meshcheryakov V.A. *The Theoretical Basis of the Mechanism of Trace Formation in Digital Criminalistics*. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галяшина Елена Игоревна — заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: eialjashina@msal.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galyashina, Elena I. — Head, Department of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Education of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: eialjashina@msal.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Галяшина Е.И. О понятии цифровой трансформации в криминалистике / Е.И. Галяшина. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(4).379-389. — EDN GZFFHJ // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 4. — С. 379–389.

FOR CITATION

Galyashina E.I. On the Concept of Digital Transformation in Criminalistics. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 4, pp. 379–389. (In Russian). EDN: GZFFHJ. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(4).379-389.